
А. Р. ИХСАНОВ

МУРАДГЕЛЬДЫ СОЕГОВ И ЕГО ПУТЬ К «ВОЗВРАЩЕНИЮ ИМЁН» В ИСТОРИИ ТУРКМЕНСКОЙ НАУКИ

Представитель послевоенного поколения туркменского академического сообщества, Мурадгельды Соегов (1950-2023), подобно многим позднесоветским интеллектуалам, существовал в нескольких социальных пространствах. Его жизнь между общественной деятельностью, академической и творческой карьерой, а также активностью в качестве борца за «возвращение имён», безусловно, заслуживает отдельного исследования. Зачастую, обращаясь к тематике культурной и интеллектуальной истории позднего СССР, а также постсоветского Туркменистана, академические специалисты не всегда могут найти точку опоры, понять контекст формирования тех или иных процессов и взглядов. Задача этой статьи – вписать деятельность Соегова в социальные и культурные контексты его эпохи. Как повлияли на деятельность Мурадгельды-ага те культурные и академические изменения, которые происходили во второй половине XX века? Какой ответ на вызовы этих изменений давал исследователь? Почему филолог по образованию обратился к области интеллектуальной и культурной истории?

Настоящая статья обращает внимание на то, что Соегов существовал в динамичном пространстве постсталинского университета, в котором сосуществовали советская «перформативная культура» и «тихий национализм академических практик». Пространство устной культуры советских гуманитариев стало базой, формулировавшей взгляды Соегова. В этом пространстве переплетались, порой причудливым образом, яфетология и ностратическая теория, дискуссии об алтайской теории и противоречиях стадийного подхода, рассказы о репрессированных и образы советского общества. Деятельность туркменского филолога по «возвращению имён» репрессированных, развернувшаяся в период Перестройки, стремившаяся зафиксировать устную культуру на бумаге, стала одним из ключевых элементов его жизни.

Ключевые слова: история науки, туркменские академики, история репрессированных, слово в науке
DOI: <https://doi.org/10.34920/1694-5794-36-010>

Цитирование: Ихсанов А. Р. Мурадгельды Соегов и его путь к «возвращению имён» в истории туркменской науки // Вестник МИЦАИ. Вып. 36. Самарканд, 2023. С. 117-128.

В СОВРЕМЕННОЙ интеллектуальной истории существуют разные подходы для осмысления деятельности исследователя и его наследия. Значительная часть этих парадигм предусматривает разговор о сочетании двух элементов: описания контекстов, в которых специалист осуществляет свою деятельность, и взгляда на саму деятельность как реализацию определённых практик.

Приведу несколько примеров таких подходов. Микроисторический подход позволяет оценить положение специалиста и его практик (казус, кейс, частный случай) в пространствах культу-

ры и политики. Основная задача историка, обращаясь к этому фокусу, – не рассматривать биографию исследователя в его собственных терминах, а увидеть её взаимосвязь с окружающими пространствами. В частности, подобного ракурса в своём исследовании придерживался Маркус Месслинг, анализируя влияние перехода от дискурса Просвещения к идеям национализма в XIX в. на видение Жаном-Франсуа Шампольоном своего открытия – чтения египетской иероглифики (Messling 2023). История исследовательских практик может иметь разный фокус и идейное содержание. Сюзан Маршан в своём исследова-

нии истории немецкого востоковедения отталкивалась от общности вопросов, которые ставили перед собой специалисты по азиатским языкам в германских государствах, демонстрирует как изменяются подходы к одной и той же проблематике вслед за переменами в политической и культурной жизни (*Marchand 2009*). Хеннинг Трюпер, анализируя деятельность немецких семитологов второй половины XIX века, показал, насколько важными оказываются истории эмоций и эстетики при анализе академической активности отдельного исследователя, которую не всегда возможно объяснить схематическими построениями «знания/власти» (*Trüper 2020*). Некоторые специалисты предпочитают выдвигать на первый план вопрос этики, существования исследователя во множестве социальных миров, включая академическое сообщество (*Paul 2019*). Проиллюстрировать этот подход можно, обратившись к идеям Лорен Дастон и Питера Галисона, занимавшихся историей естественных наук. В центре их исследования находятся «академические добродетели», этические взгляды специалистов, которые определяют выбор тех или иных практик и их применение в процессе исследования (*Дастон, Галисон 2018*). Во многом этот подход совмещается с историей субъективностей, взглядом на исследователя через призму его идентичности/ей. К сожалению, смешение этих подходов (например, совмещение в одной работе фокуса на агентности и субъективности) в интеллектуальной и культурной истории проводится без должного анализа, взгляда на понятийный аппарат исследования, способствуя смешению публичного и частного, внутреннего и внешнего (*Бессмертная 2023*). Подобного рода слом границ в перспективе, приводит к противоречивому содержанию, особенно при взгляде через призму мета-нарративов (например, «советского», «мусульманского» и т. п.). Суммируя всё вышесказанное, современная интеллектуальная история демонстрирует большую вариацию подходов, способствующих описанию деятельности исследователя, пониманию его наследия.

Проблема выбора парадигмы для описания деятельности того или иного исследователя не должна казаться чем-то излишним и пустым. В действительности история профессиональных сообществ зачастую грешит схематичными построениями (*Marchand 2009*), а выбор в пользу исключительно академической генеалогии подменяет сам объект исследования. Академическая генеалогия строится на дискретных точках, ассоциированных с именем того или иного специалиста, заменяя историю практик на простое перечисление имён, линейную смену наимено-

ваний, в рамках которой отсутствует как анализ контекста, так и глубина понимания проблемы (*Trüper 2020: 25–56*). В конечном итоге нагромождения имён и фамилий списки монографий и статей не способны дать ответы на то множество вопросов, которые появляются у человека, пытающегося понять процесс производства знания. Они, напротив, создают видимость бесконечного и неограниченного движения, изолированного от окружающего мира.

Мне кажется, что описание деятельности Мурадгельды Соегова нельзя изолировать от культурных и социальных процессов второй половины XX века, свидетелем и участником которых он был. Безусловно, многие стороны его деятельности окажутся за пределами возможностей нашего понимания хотя бы потому что история корпорации туркменских гуманитариев всё ещё не осмыслена в иных категориях, за пределами линейных генеалогий (*Бабаев и др. 1982*). Тем не менее, данная статья предпринимает попытку поместить работы Соегова в рамки микроисторического анализа (хотя достаточно трудно избежать взаимодействия с собственным языком Мурадгельды-ага в силу ограниченности источников), показать туркменского филолога в пространстве идей и тенденций, которые оказывали непосредственное влияние на его видение интеллектуальной и культурной истории Туркменистана.

Заранее оговорюсь, что был заочно знаком с Мурадгельды-ага. Меня интересовала его деятельность, как историка туркменской науки, пришедшая на период 1990-2020-х гг. Мы начали переписываться в октябре 2015 г., когда я занимался организацией научной конференции «Туркменистанцы на берегах Невы»¹. В 2016-2017 гг. я помогал Мурадгельды-ага собирать информацию для его статьи об «Астраханском музыкальном журнале», в частности, скопировав микрофильм журнала (*Соегов 2017*). Впоследствии академик Соегов не раз помогал мне материалами для продолжения работы над моей диссертацией. Он присылал свои небольшие статьи и очерки, посвящённые разным деятелям туркменской науки 1900-1920-х гг. Однако он остался недоволен моей рецензией на монографию Виктории Клемент, опубликованную в «Вестнике МИЦАИ» (*Ихсанов 2020*). Между нами завязалась небольшая дискуссия, которая и стала последним эпизодом нашего общения². Кроме того, Мурадгельды-ага плани-

¹ URL: http://www.orientalstudies.ru/rus/index.php?option=com_content&task=view&id=4266&Itemid=48 (дата обращения 01.12.2023).

² Суть дискуссии сводилась к обсуждению критики джадидоцентричной историографии, которая получила особенное

ровал сделать отзыв о моей диссертации, когда та будет завершена.

Безусловно, я лишь мельком видел процесс работы Мурадгельды-ага над его исследованиями и не имею времени и должных связей, чтобы заняться историей «научной персоны», то есть, показать положение Мурадгельды-ага внутри множества академических и неакадемических сообществ³. Именно поэтому я вынужден ограничиться замечаниями относительно связи между его работой и окружающими его дискурсами.

Жанр некролога предполагает некий панегирик, восхищённый рассказ учеников о своём учителе (Тягай 1988), собрание достижений успешных деятелей науки (Атанязов 1990). Тем не менее история знает и иные использования этого жанра. Например, академик Александр Самойлович использовал некрологи своим учителям и крупным деятелям науки с целью конструирования истории тюркологии и критического осмысления наследия прошлых поколений исследователей (Благова 2012). Подобная тактика позволяла ему выстроить обоснование для методологических изменений в российском востоковедении (Тольц 2013).

По предложению редактора журнала эта статья будет написана в форме раздела «слово в науке», пытаясь обобщить значение личности Соегова в определённых областях исследований (филологии, истории науки, истории туркменской культуры). Моя задача ответить на вопрос: как повлияли на деятельность Мурадгельды-ага те культурные и академические изменения, которые происходили во второй половине XX в.? Какой ответ на вызовы этих изменений давал исследователь? Почему филолог по образованию обратился к области интеллектуальной и культурной истории?

Основным материалом для этого исследования служат тексты статей Мурадгельды-ага, включающие многочисленные, но весьма разрозненные биографические заметки.

Мурадгельды Соегов родился 14 января 1950 года в посёлке Ходжамбаз Ходжамбазского района Чарджоуской области Туркменской ССР. В официальной биографической справке о нём указано, что он родился в семье «служащего»

(туркм. *gullukçy*) (Муһуёв, Күренов 1988: 135). Впрочем, Зеки Пекташ уточняет, что отец Соегова, Соег Сейиткулиев (Пекташ 2014)⁴, был партийным служащим, учившимся в Ташкенте в отделе Заочной высшей партийной школы при ЦК КПСС. Дед исследователя, по указанию того же Пекташа, Сейиткули-сопы Маммедеммин-оглы – выпускник медресе Чор-минор в Бухаре (Пекташ 2014). Видимо, эти сведения базируются на собственных работах Соегова, который уделял особое внимание основателю медресе «Чор-минор» Нийаз-кули ат-Туркмани (Соегов 2012). По воспоминаниям Соегова, родственные связи его семьи простирались и за пределы границ ТССР. В одной из своих статей он довольно подробно описывает знакомство с родственниками из Самарканда и свою жизнь в этом городе во время каникул в девятом и десятом классе школы. Упоминает Соегов и бабушку, Хурмет-эдже (Соегов 2021). Своё обучение он начал в первой средней районной школе имени Махтумкули Фраги (Муһуёв, Күренов 1988: 135). В школе будущий исследователь впервые обратился к журналистской работе, создав «центр молодого корреспондента». Пекташ свидетельствует, что первая статья Соегова была опубликована в 1964 г. в газете «Всегда готов» (туркм. *Mudam taýýar*), а первое стихотворение – в 1967 г. в журнале «Пионер» (Пекташ 2014)⁵.

Для того, чтобы понять этот период жизни Соегова, нужно осознать то влияние, которое имела Вторая Мировая война на культуру Центральной Азии, то культурное окружение, в котором жило послевоенное поколение. В исследовательской литературе существует мнение, что Вторая мировая война стала знаковой вехой в формировании общесоюзной идентичности вследствие, в частности, миграций населения внутри СССР (Carmack 2019)⁶. 1940-е имеют значение и для культурных процессов внутри Центральной Азии. Например, именно в конце 1940-х гг. была проведена череда юбилеев национальных поэтов, многие из которых планировались ещё в начале десятилетия (Shin 2017)⁷. Шла работа ком-

⁴ Сам Соегов в своих статьях указывает Сейиткулиева в качестве известного уроженца Ходжамбаза, не уточняя родственных отношений (Соегов 2021).

⁵ Следует отметить, что существует расхождение в датах публикации стихотворения в журнале «Пионер» между 1966, 1967 и 1969 (Арназаров 2016; Маммедов, Джанбеков 2020; Пекташ 2014; Соегова 2019). Подробнее о детской прессе в Советском Туркменистане (Babayeva 2016).

⁶ Данный вопрос в настоящее время изучает коллега Зухра Касымова.

⁷ Планировались: 1940 – юбилей Низами Гянджеви, 1941 – юбилей Алишера Навои, 1944 – юбилей Махтумкули Фраги. Вся эта череда юбилеев пришлась на 1946-1948 гг.

развитие после спецвыпуска *Journal of the Economic and Social History of the Orient* «За пределами модернизма: переосмысления Ислам в России, Центральной Азии и Западном Китае (XIX-XX вв.)». Хотя эта дискуссия началась ещё в начале 1990-х гг. работами Стефана Дюдуаньона (Dudoignon 1996; DeWeese 2016).

³ В своих социальных сетях книжку с автографом Соегова, своего преподавателя по университету, продемонстрировала певица Сельби Тувактылыжова.

плексных экспедиций, призванных сформулировать новые исторические нарративы стран региона. Всё большее значение в их отчётах получали доводы археологии и этнографии (Bustanov 2015). Продолжились разработки единых моделей историографии по модели «Материалов по истории туркмен и Туркмении» (Бустанов 2016).

С окончанием Второй Мировой, с одной стороны, сталинская национальная политика стала жёстче. Примером этого является процесс против национальных эпосов, о котором подробно высказывался сам Соегов в одной из своих статей (Соегов 2018). Начиналась пора новых алфавитных реформ, призванных, в частности, стандартизировать словари, ставшие частью процесса русификации (Clement 2018). С другой стороны, многие тезисы прошедших периодов оказались востребованы новым поколением исследователей (Климович, Скосырев 1949). Отказ от жёсткой атеистической политики и новый виток «национального строительства» приводили к новому окну возможностей для специалистов в гуманитарных науках (Tsar 2017). Нестабильность поздней сталинской национальной политики демонстрирует и детская литература, состоявшая из переводной и локальной. Развивая разные нарративы, оба типа вступали во взаимодействие друг с другом, формируя мир туркменских детей, понимание как локальной культуры, так и особенностей институциональной структуры советского общества (Babayeva 2016).

После XX съезда КПСС (1956) и начала процесса реабилитации разнородные тенденции в культурной политике СССР усилились. В частности, началось издание прежде недоступной литературы (например, издание полного собрания сочинений В. В. Бартольда, одного из крупнейших имперских востоковедов (Kemper 2015)). Интересно замечание французского специалиста Стефана Дюдуаньона, считающего, что значительную роль в росте печати и, как следствие, внутренних дискуссий, особенно среди республиканских сообществ, оказали так называемые «косьгинские реформы» 1960-х, которые он рассматривает как целый комплекс событий хрущёвского времени (Dudoignon 2014). В этот период (конец 1950-х – начало 1970-х) складывается «устная культура» советской гуманитарной науки, в рамках которой противоречия догматической методологии, семейная память, нестабильность культурных конструктов обсуждались внутри отдельных сообществ, в частности, университетских преподавателей (Бессмертная 2020). Некоторые специалисты используют для описания ситуации в Центральной Азии термин «тихий национализм академических практик»

(Бисенова, Медеуова 2016), демонстрирующий, как за фасадом выстроенной вертикальной системы институты с иерархией производителей знания, фактор неформальных взаимодействий и особое понимание локальных культур получали всё большее развитие.

Именно в этой атмосфере в 1968-1973 гг. проходил обучение на Филологическом факультете Туркменского государственного университета им. М. Горького Мурадгельды Соегов (Муху́ёв, Kùrenow 1988). В своих статьях он упоминает отдельные эпизоды, характеризующие это время. Например, курс по фонетике у молодого специалиста вёл Хеким Машаков (Соегов 2012). Машаков был включён в одну из групп туркменских специалистов, отправленных до начала Второй мировой в Ленинград для повышения квалификации и поступления в аспирантуру. В списке литературоведов значились Негим Аширов, Ходжаберды Ханов⁸ и Ахмед Ахундов-Гургенли (по причине нехватки специалистов в Ашхабаде в просьбе о поездке было отказано Баймухаммеду Каррыеву⁹). Эти молодые люди изначально оказались в составе ополчения, однако были отозваны домой особым требованием ТССР (не удалось спасти Ханова, который погиб на фронте). Впоследствии Аширов готовил диссертацию для защиты в 1949¹⁰, а Ахундов-Гургенли пропал без вести на фронте (Халимов 1990). Машаков вернулся в Ленинград и защитил диссертацию под руководством тюрколога Сергея Малова (Соегов 2012). Рассказы о военном времени, процесс восстановления страны были естественной частью процесса социализации послевоенного поколения, к которому относился Соегов.

На третьем курсе лекции по истории классической туркменской литературы студентам читал профессор Мяти Косаев. Он же организовывал дискуссии с приглашёнными гостями, например, маститым писателем Берды Кербабаяевым. По словам Соегова, несмотря на осуждение и арест во время репрессий, Косаев позволял себе открыто выражать собственную религиозную идентичность, захватывая внимание студентов (Соегов 2017). И вновь молодой человек находится под впечатлением от действий своего преподавателя, от рассказов представителей старшего поколения туркменских интеллектуалов. Неслучайно коллеги Соегова отмечают его особый взгляд на своих учителей, результатом которого стала целая

⁸ В источниках есть различие в написании имени и фамилии этого человека.

⁹ Институт восточных рукописей РАН. Архив востоковедов. Ф. 152, оп. 3, д. 52, л. 8.

¹⁰ Архив РАН. Ф. 688, оп. 4, д. 272, л. 5.

серия статей-портретов (Маммедов, Джанбеков 2020). Тем не менее Мурадгельды-ага прекрасно знал, как функционируют советские социальные лифты. Его корреспондентская и последующая общественная деятельность (Арназаров 2016) напрямую говорят о стратегии действий. Очевидно, что Соегов, как и многие интеллектуалы той эпохи, существовал между разными общественными пространствами и был связан с необходимостью следовать перформативной культуре советского общества (Юрчак 2021). И всё же вопросы продолжали копиться.

Часть статей Мурадгельды-ага посвящена проблеме смены парадигм в советском академическом сообществе, которая оказала непосредственное влияние на его деятельность (Маммедов, Джанбеков 2020). Тюркское языкознание уходит корнями в историю сравнительной филологии, связанной с исследованиями индоевропейских языков (Благова 2012). Не будучи профессиональным лингвистом, я не возьмусь за полноценное описание всех вопросов, стоящих перед данной областью науки. Однако отмечу, что одним из ключевых аспектов появления сравнительных филологических исследований был вопрос о «Вавилоне», моменте, когда произошло разделение мировых языков. Период XIX–XX вв. с утверждением национальных государств привёл к возросшему интересу поисков корней происхождения европейских языков (Marchand 2009). В этой связи сравнительное языкознание оказалось европоцентричной специальностью, что повлекло широкую критику направления. В частности, кавказовед Николай Марр, провозгласив «новое учение о языке», обвинил сравнительное направление в антинаучном характере (Slezkine 1996). «Учение» Марра оказало влияние на все области гуманитарных наук в СССР, постулируя отсутствие протоязыка, некоторую форму стадийного подхода к языкознанию (Туханов 2021) и идею будущего слияния языков (Gerasimov, Glebov, Mogilner 2016).

Туркменские филологи использовали «яфетическую теорию» в своих интересах, например, заявляя о флективном характере своего языка, подвергая сомнению его агглютинативность (Gelenow 1932). Эти построения требовались для утверждения туркменского языка в качестве языка республиканского значения, демонстрации его прогрессивного характера. Были и критики «учения» Марра. Например, показательна судьба Хыдыра Дерьяева, скептически оценивавшего схематизм «яфетической теории» (Aşirov 2019). В 1950 г. «новое учение» было осуждено властями и академическим сообществом (Slezkine 1996). Хотя отказ от этой «теории» был общепринятым

(например, один профессор-иранист сжёг в печи историческую часть диссертации своего студента, написанную в яфетическом духе (Стеблин-Каменский 1998: 10)), специалисты, работавшие в данном направлении, сохранили элементы «нового учения» в своих работах (Алпатов 2006).

Возвращение сравнительного языкознания в качестве правомерной научной специальности привело к попыткам дать новую жизнь теориям 1910-х гг., в частности, дискуссии о ностратическом праязыке, едином истоке всех евразийских (Campbell, Poser 2008). Особенно популярной эта тема является в связи с попыткой доказательства «алтайской теории» – утверждению об общности тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских языков, а также корейского и японского языков (Алпатов 2011). В период XIX–XX вв. под влиянием идеи о языке, как ключевом маркере национальной идентичности (Brandist 2015; Surman 2020), попытка доказательства родства финского, венгерского, турецкого и корейского языков играла большую роль в текстах венгерских тюркологов и модернистов тюркских сообществ Центральной Евразии, доказывавших древность национальной истории и её значение с точки зрения концепций «мировой истории» и «мировой литературы» (Алпатов 2011). Советские специалисты пытались продолжать линию работы лингвиста Евгения Поливанова, главного оппонента Марра, занимавшегося как японским, так и тюркскими языками (Блинов, Дмитриев 2023). Кроме того, большое влияние на молодые умы послевоенного поколения имели тексты Владислава Иллича-Свитыча, рано ушедшего из жизни специалиста по славянским языкам, восхищавшего современников своей работоспособностью (Дыбо 1996). Критика алтайской и ностратической теории воспринимались в контексте рациональности Холодной войны как политические претензии зарубежных специалистов, направленные против советских лингвистов (Алпатов 2011). Тем не менее «ностратическая теория» рассматривается специалистами по истории науки в рамках идеалистического «возвращения в Вавилон», чрезмерного обобщения, призванного доказать ур-единство человечества (Campbell, Poser 2008).

Именно работы Иллича-Свитыча презентовал Соегову в 1972 г. один из его педагогов, Язмухаммед Чунгаев, разрабатывавший проблематику «алтайской теории» (Чунгаев 1985)¹¹. Мурадгельды-ага воспринял ключевые идеи этого направ-

¹¹ Интересно, что работы Чунгаева (по крайней мере, хранящиеся в библиотечных фондах России) относятся к периоду Перестройки.

ления, что повлияло на его собственную концепцию происхождения и развития туркменского языка. В то же время он стал интересоваться и работами яфетологов (через своего научного руководителя – Мамедназара Хыдырова, ученика Ивана Мещанинова¹²), что позволило ему поддержать идею о первичной флективности туркменского языка (Маммедов, Джанбеков 2020). Интересно, что подобный микс двух радикально противоречащих друг другу направлений (яфетологии и ностратической теории) характерен и для других специалистов того времени, что лишней раз свидетельствует о процессах, шедших внутри советских университетов (Аллатов 2006). Другим свидетельством сохранения «старых установок» станет кандидатский экзамен Соегова по философии. Экзамен проводил профессор Виктор Моллаков, разрабатывавший проблему закона отрицания как закона познания (Моллаков, Шанияхзова 1981). По описанию Мурадгельды-ага на экзамене он столкнулся с курьёзной ситуацией – требованием экзаменатора привести помимо доводов профессиональных философов и позицию Иосифа Сталина по данному вопросу. Соегов указывает, что в брежневский период подобное требование выглядело чрезмерным ретроградством (Соегов 2016). Тем самым можно лишней раз убедиться в эклектичности внутреннего дискурса советских университетов.

Выпускная работа Соегова также была связана со сравнительной перспективой. В том же 1972 г. он пишет исследование «Отношение языка поэмы 'Кутадгу билиг' к современному туркменскому языку» под руководством профессора Хыдырова (Маммедов, Джанбеков 2020). Хыдыров – знаковая фигура для карьеры Мурадгельды-ага (Соегов 2017). Именно Хыдыров был знаком с Абдуллой Геленовым, лингвистом-яфетологом, проходившим обучение в Ленинградском Восточном Институте, репрессированным в 1930-е гг. (Соегов 1990). Уже после выпуска из университета, работая в секторе современного туркменского языка Института языка и литературы Академии наук ТССР в периоды 1974-1981 и 1986-1991 гг. (Арназаров 2016), Соегов слушал рассказы Дерьяева (Соегов 2014), а также активно взаимодействовал со своим будущим научным руководителем Бяшимом Чарьяровым (Соегов 2022).

Чарьяров также проявлял особый интерес к туркменской интеллектуальной истории. Работая в архивах Санкт-Петербурга, я несколько раз наталкивался в делах на отметки о копировании

материалов, которые производились по запросам Чарьярова¹³. Неслучайно Соегов вслед за Хыдыровым и Чарьяровым начнёт собирать сведения об интеллектуальной истории Туркменистана то обращаясь к деятельности востоковедов (Соегов 2015), то прослеживая судьбу репрессированных лингвистов (Соегов 1990). Очевидно, что к тому времени у туркменских исследователей накопились вопросы к существующей историографии, ответы на которые могла дать либо память репрессированных, либо внимательное исследование архивных материалов. Последовательная история «возвращения имён» была приведена мной в другой статье, в которой я подчёркивал различия в нарративах, выстраиваемых туркменскими исследователями (Ихсанов 2020). Не менее очевидным становятся вопросы к догматическим схемам, построенным советскими историками. Одним из ярких эпизодов, повлиявших на видение Соегова стало освобождение с поста заведующего кафедрой туркменской литературы ТГУ Косаева за поздравление Кербабая (Васильков, Сорокина 2003). Усиление давления на гуманитарную науку было характерным эпизодом 1960-1970-х гг. в связи с ужесточением контроля во внутренней и идеологической политике СССР после хрущёвской оттепели (Юрчак 2021).

Несмотря на интерес к истории репрессированной науки и возмущение ситуацией с Косаевым, Соегов в этот период продолжал строить свою карьеру, во основном, двигаясь по партийной линии. Работая в составе Института, он входил в Совет молодых учёных и первичную молодёжную организацию, представляя молодых сотрудников Института на учёном совете. Он был одним из организаторов Конференции молодых учёных (Арназаров 2016). В 1975-1978 гг. он поступил в заочную аспирантуру (без отрыва от места производства, то есть он продолжал работу над институтской научно-исследовательской работой), в которой подготовил диссертацию «Первичные формы дееспричастия в современном туркменском языке (в сравнении с другими тюркскими языками юго-западной группы)», ставшую основой для его первой монографии (Соегов 2012). Развивалась и академическая мобильность молодого исследователя. Именно Чарьяров отправил Соегова в первую поездку в Москву, настояв на знакомстве с влиятельным тюркологом Николаем Баскаковым (Соегов 2022). Расширяя собственную сеть взаимодействия за счёт мобильности внутри Союза, Мурадгельды Соегов получал новые возможности для публи-

¹² Мещанинов не был лингвистом по образованию, но сумел собрать разнородные размышления Марра и выстроить их в единую систему (Gerasimov, Glebov, Mogilner 2016).

¹³ Например: Центральный Государственный Исторический Архив г. Санкт-Петербурга. Ф. 14, оп. 3, д. 56766.

каций, участия в конференциях и сбора сведений по интересовавшим его темам семейной истории, истории туркменской науки, сравнительного языкознания, которые помогли ему в 1990-2000-е гг. Молодой исследователь активно издаётся в академических журналах (Соегов 1991), попадает в списки наиболее ценных молодых сотрудников (Атаниязов 1990: 66). В 1981-1986 гг. Соегов начинает работу инструктором отдела науки и учебных заведений Ашхабадского областного комитета Коммунистической партии Туркменистана (Арназаров 2016). Он продолжает публиковать работы по теме диссертации, анализировать строй современного туркменского языка, издаёт несколько детских книг и стихотворных сборников (Маммедов, Джанбеков 2020). Продвигаясь по ветвистой системе советских партийных организаций и общественных союзов, Соегов становится членом Союза писателей СССР в 1989 г. (Соегова 2019). К сожалению, мне неизвестна информация о взаимодействиях Соегова с всесоюзным обществом «Знание», но, очевидно, что молодой человек прекрасно понимал, как работает механизм партийных и академических организаций в СССР, последовательно выстраивая собственный путь.

Период перестройки – пора радикальных реформ в СССР, начавшийся с тотальной неудовлетворённости руководства государства положением на местах (Scarborough 2023). Накопившиеся вопросы и неформальные взаимодействия приводили к неэффективному управлению – следствие не столько брежневских контрреформ, сколько проблем внутри самой системы (Сафронов 2020) и недовольству. Даже попытка развивать кибернетику, автоматизированные системы управленческих механизмов и движения информации не принесли столь желанных результатов¹⁴. В итоге именно «сверху» была инициирована политика гласности, давшая возможность целому ряду сообществ начать открыто задавать накопившиеся вопросы, в особенности, о положении национальных языков (Clement 2018; Scarborough 2023). Интерес к истории репрессированных, последовательно развившийся после XX съезда КПСС, достиг своего апогея (Абылхожин, Акулова, Цай 2019). Знание о прошлом приводило к переоценке всей истории взаимодействия республик в рамках СССР. Локальная

пресса и политические движения подчас ставили вопрос о необходимости сосуществования столь различных территорий в составе единого Союза. Весьма знаковую роль в этом отношении сыграло «хлопковое дело» в Узбекистане. Продемонстрировав неприятие и экзотизацию Центральной Азии, рассматривавшуюся как особый мир социальных отношений «басмачей и баев» со стороны «центров Союза», этот эпизод вызвал недовольство локальных интеллектуальных групп. В ответ они обратили внимание на провалы, например, в советской социальной политике в регионе (Абашиш 2023).

Соегов встретил перестройку возвращением в Институт языка и литературы в 1986 г. (Пекташ 2014). С 1990 г. он начинает сотрудничать с прессой, в частности, с журналом «Политический собеседник» – общественно-политическим органом ЦК Компартии Туркменистана, в котором публикует заметки по истории туркменской науки (Соегов 1990). Кажется, политика гласности позволила Мурадгельды-ага в открытую задавать копившиеся с университетских лет вопросы, превращаясь из лингвиста в историка академической корпорации. Накопившиеся истории устной традиции советских гуманитариев находят свой путь на страницах печатных работ и газет. Соегов издал несколько своих работ в частных типографиях. В 1993 г. на свет появилась монография на туркменском языке «Десять чинаров», содержащая очерки о первых специалистах по туркменской филологии и литературоведению. Спустя три года Соегов издал новую книгу "Рокковая судьба" (туркм. Taleý turapy), посвящённую Абдулхекиму Кулмухаммедову.

История Кулмухаммедова, революционера, литературоведа и редактора, стала одним из знаковых элементов в размышлениях исследователя. К этому сюжету он не раз будет возвращаться в своих статьях и монографиях (Söyegov 2000; Soyegov 2016). В 1991 г. защищает докторскую диссертацию «Развитие синтаксической системы туркменского литературного языка в советскую эпоху (в связи с расширением сфер его применения)» (Соегов 2012). Интересно, что эта тема далека от той сравнительной перспективы, с которой исследователь работал раньше. Однако в рамках диссертации Соегов получил доступ к материалам партийных архивов, позволявших ему увидеть все дискуссии вокруг языкового строительства в республике (Соегов 2018). Подобного рода исследование предполагало, что Мурадгельды-ага выступал уже не столько в качестве исследователя, сколько в качестве чиновника от науки, администратора, чей статус необходимо было утвердить. Действительно, защита диссертации

¹⁴ Отдельного внимания заслуживает процесс цифровизации в области гуманитарных исследований. Например, создание автоматических словарей и баз данных для сравнительного языкознания. Предпринимались попытки разработать системы автоматизированного машинного перевода (Пруденко 2019).

позволяет Соегову получить пост директора Института языка и литературы АН Туркменистана, который он будет занимать следующие пять лет. Таким образом, путь на вершину академической науки в республике был завершён.

Распад СССР стал продолжением накопленных противоречий, приведя к серьёзному экономическому кризису (*Scarborough* 2023). В этих условиях Соегов получил назначение на пост заместителя министра образования Туркменистана. В рамках разговора о периоде 1990-2000-х гг. необходимо обозначить некоторые отличительные черты в центральноазиатской науке. В частности, большую роль в локальной системе образования стали играть турецкие учебные заведения. В силу того, что Российская Федерация не была заинтересована в сохранении своей ниши на образовательном секторе Туркменистана, турецкие и иранские специалисты довольно быстро начали осваивать этот рынок (*Жуков, Резникова* 2001; *Демидов* 2002). Проблема связей советского тюркоязычного академического сообщества и исследовательских групп Турции уже имеет своих историков, указывающих на различия в методологиях, а также на фактор разрыва связей между этими группами после 1920-х гг. (*Erdman* 2018). Их возрождение произошло в 1970-е гг. и было связано с интенсификацией торговли между странами (*Насилов* 2012). Как следствие, советские специалисты начали выстраивать отношения с турецкими коллегами, принимать участие в конференциях и академических организациях. Примерами этих связей может служить деятельность латвийского тюрколога Улдиса Берзньиша или туркменского литературоведа Зулейхи Мухаммедовой (*Колобылина, Язбердиев* 1996). Тем не менее сами практики коммуникации между сообществами и различия в их взгляде на исследовательские концепции до сих пор не были изучены на основании отдельных кейсов, альянсов и сетей взаимодействия.

Чаще всего в поле исследовательского внимания попадала проблема изменения алфавитных систем. В 1991 г. в Мраморноморском университете турецкие исследователи провели международную конференцию, предложив тюркоязычным государствам Кавказа и Центральной Азии использовать модель турецкого алфавита для создания единой системы письма на основе латиницы (*Altuğ* 2014). Предложению последовала только Республика Азербайджан. Туркменские представители, в частности, Соегов, говорили о возможности реализации программы в будущем, аргументируя невозможность проведения языковой реформы в условиях экономического кризиса (*Clement* 2018). Однако в 1993 г. туркменское ру-

ководство подняло вопрос о смене алфавитной системы, который привёл к дискуссиям между кибернетиками и лингвистами (*Соегов* 2013). Муррадгельды-ага был членом комиссии, играя знаковую роль в изучении прошлого опыта смена алфавитов. Таким образом, он обратился к истории первого туркменского лингвиста Мухаммеда Гельдыева, анализируя его аргументацию первого перехода туркменского языка на латинский алфавит (*Clement* 2018).

В 1994 г. был создан совместный Международный туркмено-турецкий университет (МТТУ), который обеспечил базу для академической мобильности между странами. В 1995 г. однокурсник Соегова Сейитназар Арназаров издал в Турции статью о его деятельности. Вполне логично, что на фоне реорганизации туркменской академической науки в специальный совет при президенте страны в 1990-е гг. Соегова пригласили преподавать в МТТУ. С 1996 по 2011 г. Муррадгельды-ага начал работу со студентами этого учебного заведения, продолжая свою исследовательскую деятельность в качестве заведующего кафедрой туркменского языка и литературы (*Арназаров* 2016).

На волне пересмотра национальных историографий в первые годы независимости тренд на поиск забытых имён, а также внимание к утраченным траекториям развития локальной мысли, альтернативных большевистскому пути, привёл к появлению феномена джадидоцентричной историографии (*Dudoignon* 1996). Новые государства Центральной Азии по-разному формулировали основы собственной государственности и их историческое обоснование. Тем не менее интерес к поколению мусульманских модернистов рубежа XIX-XX вв. стал знаковым, например, для казахских (Алаш-орда), узбекских (джадиды) и татарских историков (*Аманжолова* 2009; *Khalid* 2015). Этот тренд задал траекторию последующего развития национальных историографий после смены власти в Казахстане и Узбекистане: имена джадидов и алашординцев использовались в речах министров образования и статьях президентов (*Бисенова, Медеуова* 2016). Довольно быстро эти построения нашли свою критику со стороны: 1) иностранных исследователей и 2) локальных деколонизаторов.

Первые отметили, что центральноазиатские историки либо слепо следуют букве текстов самих «джадидов», не обращая внимания на окружавшее их интеллектуальное и социальное пространство, либо конструируют собственный образ «джадидов», выстроенный в интересующих их нарративах (*DeWeese* 2016). Впрочем, уже между самими историками завязался спор относительно методо-

логии исследования (Khalid 2021).

Вторая группа, деколонизаторы, обратили внимание, что «джадиды» – это продукт имперского влияния, удалённый от нужд «простого народа», а потому не отражающий весь спектр общественных настроений в изучаемых сообществах (Бисенова, Мукашева 2020). Тем самым «джадидоцентричная историография» оказалась знаковым трендом в интеллектуальной жизни Центральной Азии, развивавшимся на протяжении всего периода независимости этих стран, но подвергнутым деконструкции и критике. Мурадгельды-ага, заинтересованный в «возвращении имён» и проявивший гражданское и исследовательское мужество в процессе публикации их биографий и текстов, определённо был частью этой тенденции. Именно благодаря ему имена туркменских интеллектуалов начала XX в. стали частью учебной программы и даже оказались включены в роман президента Туркменистана Гурбангулы Бердымухамедова «Имя доброе нетленно» (Бердымухамедов 2011). Тем не менее, Соегов считал критику «джадидоцентричной историографии» бессмысленным упражнением в риторике, поскольку оригинальные тексты «джадидов» говорят сами за себя. Увидеть критику туркменских построений можно на основе статьи Аллена Франка, обратившего внимание на слабые стороны работы ученицы Соегова Виктории Клемент (Frank 2020).

Развитие цифровых технологий, деятельность правозащитных организаций, занимавшихся историей репрессий, оцифровка архивных фондов и большая сеть личных знакомств позволили Соегову продолжать свою деятельность в течение 2000-2020-х гг. Он стал публиковать очерки

и статьи-миниатюры в разных странах, зачастую собранные на скорую руку. В результате в них часто попадают фактические ошибки. Например, в статье о Надежде Брюлловой-Шаскольской, специалистке по этнографии, исследователь указывал, что она работала в Европейском университете в Санкт-Петербурге, основанном в 1994 г., вместо Еврейского университета, который функционировал в 1918 г., преподавателем которого в действительности она являлась (Соегов 2015). Тем не менее отрадно, что его работы получили колоссальное распространение, а его ученик Тахир Аширов продолжает эту деятельность, переводя материалы туркменских интеллектуалов на турецкий язык (Aşirov 2020).

Завершая этот рассказ о деятельности Мурадгельды Соегова, нужно подчеркнуть, что его исследования позволяют увидеть не только особенности развития интеллектуальной истории Туркменистана, в частности, корпорации лингвистов, но и анализировать образ туркменской культуры таким, каким его видят гуманитарии Академии наук Туркменистана. Неслучайно в течение 2004-2023 гг. Соегов занимал различные посты в структуре Академии, будучи наиболее крупным специалистом по интеллектуальной истории. Действительно, можно критиковать противоречивые концепции и обобщения, фактические ошибки и недосказанности, но вклад, внесённый Соеговым в «возвращение имён» и осознание связанности туркменской культуры с общемировой столь значителен, что ждёт своего собственного исследователя. Нам же остаётся только сказать: Ýatan ýeriňiz ýagty, jaýuňyz jennetde bolsun, hormatly Myratgeldi-aga¹⁵.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Абашин 2023 – Абашин С. Зона молчания, ‘дело Адылова’: Центральная Азия как советский Другой // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2023. № 3–4 (в печати).
- Абылхожин, Акулова, Цай 2019 – Абылхожин А., Акулова М., Цай А. Живая память. Сталинизм в Казахстане. Прошлое. Память. Преодоление. Алматы: Open mind, 2019.
- Алпатов 2006 – Алпатов В. Актуально ли учение Марра? // Вопросы языкознания. М., 2006. №1. С. 3–15.
- Алпатов 2011 – Алпатов В. Ещё раз об алтайской проблеме // Тюркологический сборник. 2009–2010: Тюркские народы Евразии в древности и средневековье. М.: Восточная литература, 2011. С. 25–33.

- Аманжолова 2009 – Аманжолова Д. На изломе. Алаш в этнополитической истории Казахстана. Алматы: Таймас, 2009.
- Арназаров 2016 – Арназаров С. С Ашхабада в Казань, Уфу, Якутск и Горно-Алтайск через Анкару, Софию, Киев и Астану // Jazyk a kultúra. 2016. No 25–26. С. 161-173.
- Атаниязов 1990 – Атаниязов С. Пигам Азимов. Ашхабад: Ылым, 1990.
- Бабаев и др.1982 – Академия наук Туркменской ССР / Отв. ред. А. Г. Бабаев, О. Г. Овезгельдыев, А. А. Росляков, Ф. Ф. Султанов, М. А. Аннанепесов, А. Х. Бабаева. Ашхабад: Ылым, 1982.

¹⁵ «Пусть земля будет пухом! Царствие небесное, уважаемый Мурадгельды-ага!»

- Бердымухамедов* 2011 – *Бердымухамедов Г.* Имя доброе нетленно (роман). Пер. с туркм. Ашхабад: Туркменская государственная издательская служба, 2011.
- Бессмертная* 2020 – *Бессмертная О.* «Война мемуаров»: мотивы страха в рассказах о советском прошлом двух медиевистов-противников и (не)советские субъективности (Е. В. Гутнова и А. Я. Гуревич) // *НЛО*. 2020, № 2.
- Бессмертная* 2023 – *Бессмертная О.* Что нам делать с «мусульманской субъективностью»? Перспективы и «ловушки» исследовательского подхода в историографическом контексте // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: История России. М., 2023. № 22 (2). С. 174-187.
- Бисенова, Медеуова* 2016 – *Бисенова А., Медеуова К.* Давление метрополий и тихий национализм академических практик // *Ab Imperio*. № 4. 2016. С. 207-255.
- Бисенова, Мукашева* 2020 – *Бисенова А., Мукашева А.* Колониальные интеллектуалы: между просвещенческой и представительской ролью // *НЛО*. 2020. №166. С. 445-459.
- Благова* 2012 – *Благова Г.* История тюркологии в России (вторая половина XIX – начало XX века). М.: Восточная литература, 2012.
- Блинов, Дмитриев* 2023 – *Блинов Е., Дмитриев А.* Евгений Поливанов, или Кем сделана политика языка // *Формальный метод*. Антология русского модернизма. Т. 4. Кн. 1. С. 695-729.
- Бустанов* 2016 – *Бустанов А.* Ножницы для среднеазиатской историографии: «восточные проекты» ленинградского востоковедения // *Ориентализм vs ориенталистика*. М.: Садра, 2016. С. 108-166.
- Васильков, Сорокина* 2003 – *Васильков Я., Сорокина М.* Люди и судьбы. Библиографический словарь востоковедов – жертв политического террора в советский период (1917-1991). СПб.: Петербургское востоковедение, 2003.
- Дастон, Галисон* 2018 – *Дастон Л., Галисон П.* Объективность. М.: НЛО, 2018.
- Демидов* 2002 – *Демидов С. М.* Постсоветский Туркменистан. М.: Наталис, 2002.
- Дыбо* 1996 – *Дыбо В.* Владислав Маркович Илич-Свитыч как компаративист // *Вестник Московского университета*. Серия 9. Филология. 1996. № 6 (ноябрь-декабрь). С. 56-78.
- Жуков, Резникова* 2001 – *Жуков С., Резникова О.* Центральная Азия в социально-экономических структурах современного мира. М.: Московский общественный научный фонд, 2001.
- Ихсанов* 2020 – *Ихсанов А. Р.* Не лингвисты создают язык, а люди: дихотомичность в центральноазиатской историографии // *Вестник МИЦАИ*. Вып. 29. Самарканд, 2020. С. 127-142.
- Климович, Скосырев* 1949 – *Климович Л., Скосырев П.* Антология туркменской поэзии. М.: Гослитиздат, 1949.
- Колобылина, Язбердиев* 1996 – *Колобылина О., Язбердиев А.* Зылыха Бакыевна Мухаммедова. Ашгабат: Ылым, 1996.
- Маммедов, Джанбеков* 2020 – *Маммедов А., Джанбеков К.* О туркменском академике, считающем себя последователем учений российских академиков В. В. Бартольда и Н. Я. Марра (в связи с 70-летним юбилеем Мурадгелди Соегова) // *Российская тюркология*. 2020. № 1–2 (26–27). С. 159–163.
- Моллаков, Шаниязова* 1981 – *Моллаков В., Шаниязова Б.* О мировоззренческих аспектах математики в процессе её изучения // *Известия АН Туркменской ССР*. Серия общественных наук. 1981. № 6. С. 34-42.
- Насилов* 2012 – *Насилов Д.* Российская тюркология наших дней: к смене научных парадигм // *Российская тюркология*. 2012. № 2. С. 1173–1182.
- Пекташ* 2014 – *Пекташ З.* Из опыта обработки материалов к библиографии лингвистов-тюркологов и филологов-культурологов (на примере трудов академика Мурадгелди Соегова). Статья первая // *Jazyk a kultúra*. 2014. No 17–18.
- Пруденко* 2019 – *Пруденко Я.* Кибернетика в гуманитарных науках и искусстве в СССР. Анализ больших баз данных и компьютерное творчество. М.: Музей современного искусства «Гараж», 2019.
- Сафронов* 2020 – *Сафронов А.* Компьютеризация управления плановой экономикой в СССР: проекты учёных и нужды практиков // *Социология науки и технологий*. Т. 11. 2020. № 3. С. 22-41.
- Соегов* 1990 – *Соегов М.* Бегство в неизвестность // *Политический собеседник*. 1990. № 13-14. Ашхабад. С. 58-62.
- Соегов* 1991 – *Соегов М.* Освоение туркменским языком русских относительных прилагательных на морфосинтаксическом уровне // *Известия АН Туркменской ССР*. Серия общественных наук. 1991. № 1. С. 78-82.
- Соегов* 2012a – *Соегов М.* Ниязкули ал-Лебаби ат-Туркмени - знаменитый шейх ордена Муджеддийе-Накшбендийе // *Akademik bakış dergisi*. Sayı 33. 2012.
- Соегов* 2012b – *Соегов М.* Туркменский язык в библиографиях его исследователей: кандидатские и докторские диссертации, защищённые в период с 1939 по 2000 г. // *Научный*

- Татарстан. 2012. № 4. С. 78–85.
- Соегов 2013 – Соегов М. Новый туркменский алфавит: некоторые вопросы его разработки и принятия (из личного опыта) // *Akademik Bakış Dergisi*. 2013. No. 34. S. 1-7.
- Соегов 2014 – Соегов М. Репрессированная национальная филология: безвинные жертвы «Большого террора», 1937-1938 гг. // *Вестник БИСТ*. 2014. № 4 (25). С. 108-117.
- Соегов 2015а – Соегов М. О деятельности одного любительского кружка, функционировавшего в Ашхабаде в 1903 – 1906 и 1914 – 1917 гг. // *Jazyk a kultúra*. 2015. С. 112-120.
- Соегов 2015б – Соегов М. О Надежде Владимировне Брюлловой-Шаскольской (1889–1937), ученом-эсере из Ленинграда, и ее работах, выполненных в годы ссылки в Ашхабаде // *Известия Иркутского государственного университета. Серия: Геоархеология. Этнология. Антропология*. 2015. Т. 14. С. 67-80.
- Соегов 2016 – Соегов М. Об основателе и воспитанниках Туркменского дома просвещения в Подмоскovie // *Вестник Калужского университета*. 2016. № 3. С. 101.
- Соегов 2017а – Соегов М. Об авторе и издателе первой нотной записи туркменской народной музыки в 1818 г. // *Вестник Музея археологии и этнографии Пермского Предуралья*. № 7. Пермь, 2017. С. 111-113.
- Соегов 2017б – Соегов М. Один из первых ученых-преподавателей Туркменского государственного университета: профессор по кафедре «Туркменский язык» М.Н. Хыдыров // *Парадигмы университетской истории и перспективы университетологии (к 50-летию Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова)*. Т. 1. Чебоксары: Издательский дом «Среда», 2017. С. 110-113.
- Соегов 2017в – Соегов М. О туркменских изданиях и издателях огузского народного эпоса «Книга моего деда Коркута» // *Вестник Удмуртского университета. Серия история и филология*. Т. 27. Вып. 3. 2017. С. 408-417.
- Соегов 2018 – Соегов М. Какую ответственность в деле развития туркменского языка несет ответственный (первый) секретарь ЦК КП(б) Туркменистана в 1928 г.? // *Документ. Архив. История. Современность*. Вып. 18. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2018. С. 143–150.
- Соегов 2021 – Соегов М. Туркмены-оламы Самарканда на фоне истории своих прямых предков – древних аланов – и современные реалии // *Mirabbii*. No 1. 2021. С. 102-114.
- Соегов 2022 – Соегов М. Тюркская компаративистика: Бяшим Чарыяров // *Этническая культура*. Т. 4. 2022. № 4. С. 58-61.
- Соегова 2019 – Соегова А. К 50-летию художественно-творческой и 45-летию научной деятельности академика Мурадгелди Соегова // *Jazyk a kultúra*. 2019. No 37–38. С. 62–73.
- Стеблин-Каменский 1998 – Стеблин-Каменский И. Александр Леонович Грюнберг-Цветинович // *Страны и народы Востока*. Вып. XXX. Центральная Азия. Восточный Гиндукуш. СПб.: Петербургское востоковедение, 1998. С. 5–29.
- Тиханов 2021 – Тиханов Г. Семантическая палеонтология в контексте истории советского литературоведения 1930-1950-е гг. // *Клио в зазеркалье: Исторический аргумент в гуманитарной и социальной теории*. М.: НЛО, 2021. С. 127–143.
- Тольц 2013 – Тольц В. «Собственный Восток России»: политика идентичности и востоковедение в позднеимперский и раннесоветский период. М.: НЛО, 2013.
- Тягай 1988 – Тягай Г. Слово об учителях. Московские востоковеды 30-60-х годов. М.: Наука, 1988.
- Халимов 1990 – Халимов М. Забытое имя // *Политический собеседник*. Ашхабад, 1990. № 5-6. С. 60-62.
- Чунгаев 1985 – Чунгаев Я. О связях туркменского и древнетюркского языков с венгерским. Ашхабад: Ылым, 1985.
- Юрчак 2021 – Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М.: НЛО, 2021.
- Altuğ 2014 – Altuğ B. The 1991 International Contemporary Turkic Alphabets Symposium and its Contributions to the Turkic Alphabet Reform. Seattle: University of Washington, 2014.
- Aşirov 2019 – Aşirov T. Sovyet Türkmenistan'ında edebî dil araştırmaları: Hıdır Deryayev örneği // *Çukurova Üniversitesi Türkojji Araştırmaları Dergisi*. 2019. No 4 (1). S. 121–131.
- Aşirov 2020 – Aşirov T. Türkmen basın ve düşünce tarihinde: Türkmen ili dergisi (1922-1924). Ankara: SAGE, 2020.
- Babayeva 2016 – Babayeva M. Working together: Translated and Original Children's Literature in the Soviet Union (1930s – 1950s). Budapest: Central European University, 2016.
- Brandist 2015 – Brandist C. The Dimensions of Hegemony: Language, Culture and Politics in Revolutionary Russia. Leiden, Boston: Brill, 2015.
- Bustanov 2015 – Bustanov A. From tents to citadels: Oriental archaeology and textual studies in Soviet Kazakhstan // *Reassessing Orientalism: Interlocking Orientologies during the Cold War*. Routledge, 2015. P. 47-84.
- Campbell, Poser 2008 – Campbell L., Poser W. Lan-

- guage classification: history and method. Cambridge University Press, 2008.
- Carmack* 2019 – *Carmack R.* Kazakhstan in World War II: Mobilization and Ethnicity in the Soviet Empire. University Press of Kansas, 2019.
- Clement* 2018 – *Clement V.* Learning to Become Turkmen: Literacy, Language, and Power, 1914-2014. Pittsburg: University of Pittsburgh Press, 2018.
- DeWeese* 2016 – *DeWeese D.* It was a Dark and Stagnant Night (‘til the Jadids Brought the Light): Clichés, Biases, and False Dichotomies in the Intellectual History of Central Asia // Journal of the Economic and Social History of the Orient. Volume 59, Beyond Modernism: Rethinking Islam in Russia, Central Asia and Western China (19th-20th Centuries). 2016. P. 37–92.
- Dudoignon* 1996 – *Dudoignon S.* La question scolaire à Boukhara et au Turkestan russe, du «Premier renouveau» à la soviétisation (Fin du XVIIIe siècle-1937) // Cahiers du Monde russe. Vol. 37. No. 1/2. 1996. P. 133–210.
- Dudoignon* 2014 – *Dudoignon S.* Some Side Effects of A ‘Progressive’ Orientology: Academic Visions of Islam in the Soviet South after Stalin // After Orientalism: Critical Perspectives on Western Agency and Eastern Re-Appropriations. Leiden: Brill, 2014. P. 122–134.
- Erdman* 2018 – *Erdman M.* Divergent Paths: A Comparative Analysis of Soviet and Turkish Historical Narratives of Central Asia, 1922-1937. SOAS University of London, 2018.
- Frank* 2020 – *Frank A.* Turkmen Literacy and Turkmen Identity before the Soviets: the Ravnaq al-Islām in Its Literary and Social Context // Journal of the Economic and Social History of the Orient (JESHO). Vol. 63. 2020. P. 286–315.
- Gelenow* 1932 – *Gelenow A.* Dil meýdanynda indi – ýewropoizm hem ýafetidologiýa nazarýasy // Medeni Ynkylap. 1932 (Aprel – Maý). S. 31–34.
- Gerasimov, Glebov, Mogilner* 2016 – *Gerasimov I., Glebov S., Mogilner M.* Hybridity: Marrism and the Problems of Language of the Imperial Situation // Ab Imperio. 2016. No 1. P. 27–68.
- Kemper* 2015 – *Kemper M.* Propaganda for the East, scholarship for the West: Soviet strategies at the 1960 International Congress of Orientalists in Moscow // Reassessing Orientalism: Interlocking Orientologies during the Cold War. Routledge, 2015. P. 170–211.
- Khalid* 2015 – *Khalid A.* Making Uzbekistan: nation, empire, and revolution in the early USSR. Ithaca and London: Cornell University Press, 2015.
- Khalid* 2021 – *Khalid A.* Islam in Central Asia 30 years after independence: debates, controversies and the critique of a critique // Central Asian Survey. 2021. No 40 (4). P. 539–554.
- Marchand* 2009 – *Marchand S.* German Orientalism in the Age of Empire: Religion, Race, and Scholarship. Cambridge: Cambridge University Press, 2009.
- Messling* 2023 – *Messling M.* Philology and the Appropriation of the World: Champollion’s Hieroglyphs. Palgrave Macmillan, 2023.
- Muhyýew, Kürenow* 1988 – *Muhyýew H., Kürenow S.* Türkmen dilçileri. Aşgabat: Magaryf, 1988.
- Paul* 2019 – *Paul H.* Scholarly Personae in the History of Orientalism, 1870–1930. Leiden-Boston: Brill, 2019.
- Scarborough* 2023 – *Scarborough I.* Moscow’s heavy shadow: the violent collapse of the USSR. Ithaca and London: Cornell University Press, 2023.
- Shin* 2017 – *Shin B.* Inventing a national writer: the Soviet celebration of the 1948 Alisher Navoi jubilee and the writing of Uzbek history // International Journal of Asian Studies. 2017. No 14 (2). P. 117–142.
- Slezkine* 1996 – *Slezkine Y. N.* Ia. Marr and the National Origins of Soviet Ethnogenetics // Slavic Review. 1996. Vol. 55, No. 4. P. 826-862.
- Söyegov* 2000 – *Söyegov M.* Sovyetler devrinde mazlum bir Türkmen aydını, Abdülhekim Kulmuhammedov // Bilig. İstanbul, 2000. Sayı 13 (Bahar). S. 93–113.
- Soyegov* 2016 – *Soyegov M.* Les écrivains djadides turkmènes A. Kulmuhammedov et O. Vepaev sur eux-mêmes et sur leur époque // Slovo: Le discours autobiographique à l’épreuve des pouvoirs Europe – Russie – Eurasie. 2016. No 47. P. 255–270.
- Surman* 2020 – *Surman J.* How Romance Studies Shaped the Ukrainian Language and How the Ukrainian-Romanian Conflict Helped to Create Ladinian: A (Very) Entangled History of A-Political Science // How to Write the Global History of Knowledge-Making: Interaction, Circulation and the Transgression of Cultural Difference. Springer, 2020. P. 73-90.
- Trüper* 2020 – *Trüper H.* Orientalism, Philology, and the Illegibility of the Modern World. London: Bloomsbury, 2020.
- Tsar* 2017 – *Tsar E.* Soviet and Muslim: The Institutionalization of Islam in Central Asia, 1943-1991. Oxford University Press, 2017.